

Андрей Белый

**Александр Блок. Нечаянная
Радость. Второй сборник
СТИХОВ**

Андрей Белый
Александр Блок.
Нечаянная Радость.
Второй сборник стихов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3120015

Аннотация

«Блок – один из виднейших современных русских поэтов. Поклонники могут его восхвалять. Враги – бранить. Верно – одно: с ним необходимо считаться. Рядом с именами Мережковского, Бальмонта, Брюсова, Гиппиус и Сологуба в поэзии мы неизменно присоединяем теперь имя Александра Блока. Первый сборник стихов поэта появился только в 1905 году. Тем не менее есть уже школа Блока. Недавно хлынула на нас волна бальмонтистов. Большинство молодых подражает ныне Валерию Брюсову. Тем не менее есть у нас и „блокисты“»

Андрей Белый

Александр Блок.

Нечаянная Радость.

Второй сборник стихов

Блок – один из виднейших современных русских поэтов. Поклонники могут его восхвалять. Враги – бранить. Верно – одно: с ним необходимо считаться. Рядом с именами Мережковского, Бальмонта, Брюсова, Гиппиус и Сологуба в поэзии мы неизменно присоединяем теперь имя Александра Блока. Первый сборник стихов поэта появился только в 1905 году. Тем не менее есть уже школа Блока. Недавно хлынула на нас волна бальмонтистов. Большинство молодых подражает ныне Валерию Брюсову. Тем не менее есть у нас и «*блокисты*».

Критика часто выводит русский символизм из французского. Это ошибочно. Русский символизм и глубже, и почвеннее. Виднейшие его представители кровно связаны с отечественной литературой и поэзией. Достоевский, Гоголь и Чехов оспаривают у Ницше, Ибсена и Гамсуна влияние на молодую русскую литературу. Фет, Лермонтов, Баратынский, Тютчев больше влияли на наших поэтов, нежели Бодлер, Верлен, Метерлинк и Верхарн. Лучшие поэты наших дней кровно связаны с нашим славным прошлым, хотя под-

ражатели их, соединенные с ними только общими недостатками, ничего не имеют общего с классиками. Блок принадлежит к первым. «*Блокисты*» – ко вторым.

Любой поэт в росте своем определим рядом перекрестных веяний, кующих его стих, сообщающих стиху структуру и ритм, а поэту также и выбор тем. Эти влияния, соединяясь в новое единство, определяют исходную точку развития любого творчества, как бы ни было оно самостоятельно.

Даже поверхностное рассмотрение поэзии А. Блока убеждает нас в несомненном влиянии на него Лермонтова, Фета, Вл. Соловьева, Гиппиус и Сологуба. Из иностранных поэтов больше других влиял на него Метерлинк. Если бы мы не боялись историко-литературных определений, мы могли бы назвать его русским Метерлинком, без аристократизма, свойственного этому поэту, но с большею близостью к истокам души народной. Впрочем, мы не стоим за это сравнение.

Останавливаясь на творчестве поэта, отправляешься из разных источников характеристики. Можно определить идейное содержание творчества или анализировать структуру стиха. В том и другом случае приходится исходить из прошлого, устанавливая преемственность поэта, или из будущего, намечая цели, к которым он идет. То и другое определение, в отдельности взятое, не исчерпывает цельной характеристики.

Каково идейное содержание высокочтимого поэта? Но тут приходится остановиться, потому что второй сборник сти-

хов А. Блока выдвигает совершенно новые для поэта мотивы. «*Стихи о Прекрасной Даме*» (1-й сборник стихов) окрашены совершенно определенным и весьма значительным содержанием. В неуловимых и нежных строчках поэт воспевает приближение «*вечно-женственного начала*» жизни. Здесь он является продолжателем целого ряда имен. В ароматный венец его поэзии вплетены и раздумья Платона, Филона, Плотина, Шеллинга, Вл. Соловьева, и гимны Данте, Лермонтова, Фета. Древние гностики вместе с греческой философией всесторонне разработали учение о мировой душе и «*вечно-женственном*» начале Божества. Шеллинг в сочинении «*Weltseele*» пытался дать учению о мировой душе естественнонаучную подкладку. Гёте, Данте, Петрарка сумели из любимого образа создать символ вечно-женственного, соединяя универсализм гностических догматов с индивидуальными переживаниями. Фет и Лермонтов бессознательно касались того же. Вл. Соловьев, соединяя размышления гностиков с гимнами поэтов, сказал новое слово о близком сошествии к нам лика Вечной Жены. Тут началась поэзия Блока. Тема его – глубокая. Цель его – значительная.

Вдруг он все оборвал...

В драме «*Балаганчик*» горькие издевательства над своим прошлым. Последнее время злоупотребляли плохо понятой гностикой – это правда. Но правда и то, что издевательством не опровергнешь ни Платона, ни Плотина, ни Гёте, ни Данте. Ожидания могут быть неуместны. Но проблема остается

проблемой. Она не терпит издевательств.

И вот во втором сборнике мы узнаем, что «*Прекрасная Дама*» не путешествует на пароходах. Вместо «*Сиянья красных лампад*» мы видим болотных чертенят, у которых «*колпачки задом наперед*». Вместо храма – болото, покрытое кочками, среди которого торчит избушка, где старик, старуха и «*кто-то*» для «*чего-то*» столетия тянут пиво. Нам становится страшно за автора. Да ведь это не «*Нечаянная Радость*», а «*Отчаянное Горе*»! В прекрасных стихах расточает автор ласки чертенятам и дракончикам. Опасные ласки! Ведь любой дракончик может вытянуться в настоящего дракона (туманы, как известно, растут). Рыцарь Жены всегда – в борьбе с Драконом. А вот превратился Дракон в дракончика, и поэт его пожалел: пожалел и пригрел. Помнит ли он, что с нечистойю шутки плохи?

Но, сбросив с себя идейный балласт, поэзия А. Блока расцвела махровым, пышным цветком! Темы настроений утончились, стих стал виртуознее, гибче, роскошней. Прежде нам приходилось спорить с одним известным поэтом, утверждавшим, что «*Стихи о Прекрасной Даме*» не выражают истинный лик поэта. Поэт оказался прав. «*Нечаянная Радость*» глубже выражает сущность А. Блока. В этом отношении Блок настолько же выиграл как поэт, насколько он упал в наших глазах как предвестник будущего, потому что мы предпочитаем оставаться при загадках, загаданных мудрецами (пусть не решенных, но требующих от нас жизни для

решения), нежели при издевательствах (хотя бы и поэтических, прекрасных) над этими загадками.

Второй сборник стихов А. Блока интересней, пышнее первого. Как удивительно соединен тончайший демонизм здесь с простой грустью бедной природы русской, всегда той же, всегда рыдающей ливнями, всегда сквозь слезы пугающей нас оскалом врагов, – соединен в бирюзовой нежности просвета болотного, в вечном покое зеленых мхов. И нам страшно этого покоя: зачем эта нежность, когда она – «*прелесть*», наваждение.

И ушла в синеватую даль,
Где дымилась весенняя таль,
Где кружилась над лесом печаль.
Но ушла – к колдуну; и – колдун:
Закричал и запрыгал на пне:
– Ты, красавица, верно – ко мне?

И нам становится больно, когда вечерняя заря обвивает не только «*весеннюю проталинку*», но и того, кто на ней. А на ней —

Попик болотный виднеется.
Ветхая ряска над кочкой
Чернеется чуть заметною точкой.

Страшна, несказуема природа русская. И Блок понимает

ее, как никто. Только он может сказать так:

Выхожу я в путь, открытый взорам.
Ветер гнет упругие кусты,
Битый камень лег по косогорам,
Желтой глины скудные пласты.

Искони здесь леший морочит странников, ищущих «*ново-го града*»; искони мужичка, оседлав, погоняет горе-горькое хворостиной. Скольких погубило оно; закричал Гоголь, заплутался тут Достоевский, тут на камне рыдал Некрасов беспомощно, здесь Толстой провалился в немоту, как в окошко болотное, и сошел с ума Глеб Успенский; много витязей здесь прикончило быть – «*здесь русский дух, здесь Русью пахнет*». Здесь Блок становится поэтом народным.

Здесь рыскает леший, а Блок увидел «*своего полевого Христа*». Не надо нам полевых Христов. Христос Бог да сохранит нас от таких пришествий!

Где же Та, Которую призывал поэт еще так недавно? Там, где он не кощунствует, у него вырывается:

О, исторгни ржавую душу!
Со святыми меня упокой.

Прекрасно поет он о наших убогих полях, так прекрасно, что мы, замороженные «*прелестью*», начинаем верить, что все тут благополучно. Ведь здесь все «*вечно прекрасно – но*

сердце несчастно». Откуда этот стон у сказителя полей, зовущего нас к полевому Христу, колдуну да к попкам черным?

Так – и чудесным очарованы
Не избежим своей судьбы.
И в цепи новые закованы.
Бредем, печальные рабы.

Цепи «*Прекрасной Дамы*» – гирлянды роз – поэт с себя сбросил. Откуда же эти «*новые цепи*»! Не цепи ли *болотных чертеняток*?

Страшно, страшно, идти больше некуда в отчаянии, когда в «*Нечаянной Радости*» (см. последний отдел сборника) из огорода капустного приходит к поэту все тот же оборотень «*Единый, Светлый – немного грустный*», когда такую картину рисует поэт своей нечаянной радости:

И сидим мы, дурачки,
Нежить, немочь вод.
Зеленеют колпачки
Задом наперед.

Уж подлинно не зачашешь такой радости! Уж подлинно нечаянная она!

«*Новой Радостью загорятся сердца народов, когда за узким мысом появятся большие корабли*». (Вместо предисло-

вия.)

Перед лицом народов сложные задачи; он требует определенного образа решений, определенного, ясного, как Божий день, слова. И радоваться только тому, что из-за узкого мыса плывут корабли, еще рано: большие корабли часто приносят большую заразу.

«*Нечаянная Радость*» определено пронизана все тем же воплем нищего:

Кто взманил меня на путь знакомый?

.....

Нищий, распеваящий псалмы?

Нищий ли это странник, или горе-гореваньице? Во всяком случае, не псалмы распевает нищий, а панихиду:

Со святыми меня упокой.

Сквозь бесовскую прелесть, сквозь ласки, расточаемые чертенятами, подчас сквозь подделку под детское или просто идиотское обнажается вдруг надрыв души глубокой и чистой, как бы спрашивающей судьбу с удивленной покорностью: «Зачем, за что?» И, увидав этот образ, мы уже не только преклоняемся перед крупным талантом, не только восхищаемся совершенством и новизною стихотворной техники, — мы начинаем горячо любить обнаженную душу поэта. Мы с тревогой ожидаем от нее не только совершенной словесно-

сти, но и совершенных путей жизни.